

В л а д и м и р С а л и м о н

Г Л А З А М И Г Р Е К А

•••

От решеток и заборов,
закоулков, тупиков,
от трамвайных контролеров,
милицейских тумачков
я ушел,

я увернулся,
уклонился, укатил
и обратно не вернулся
в наш могучий Дыр Бул Шил.

С пирогами и блинами,
с сахарными петушками
и портретами вождей
на заливках площадей.

От медведя и от волка
я ушел, а уж от вас,
так как мне известна щелка,
ход секретный, тайный лаз,

я уйду в такие дали,
из которых не вернуть
ни огнем, ни блеском стали.
Вам туда заказан путь.

•••

Дождь со снегом. Ветер стылый.
Чтобы власть в России брать
в октябре, недюжей силой
духа нужно обладать.

А когда распить не можем
поллитровку на троих,
о каких-таких хлопочем
мы проблемах мировых?

Ноги — спички. Руки — крюки.
Глаз — давно не ватерпас.
Но, по счастью, смертной скуки
не завелся вирус в нас.

Разойдутся гости, выну
я отцовскую шинель,
на плечи ее накинута
и пойду в пургу, в метель

прогулять шинель, покуда,
хоть морозно и темно,
не побил моль-паскуда
офицерское сукно.

•••

Война свои тасует маски,
то в медном шлеме предстает,
то вдруг в набедренной повязке,
чуть прикрывающей живот.

Смешон костюм легионера.
И одеянье дикаря.

И отвратительна манера
царем одетого псаля.

Что говорит он, я не слышу,
но ясно, будто сквозь стекло,
я вижу, что безумцу крышу
какой-то силой злой снесло.

Он мутен был.
А стал опасен.
Страну швырнет, того гляди,
он за борт, будто Стенька Разин,
не дав ей на берег сойти.

Бесследно канет персиянка-
красавица во мглу, во тьму,
и на челне не будет жалко
княжны прекрасной никому.

•••

Грозить горады — снег с дождем
сулят спецы из Гидромета,
но это, как грозить ремнем
смотрящим в дуло пистолета.

Все это — выдумка, мура.
Не будет ни дождя, ни снега.
И на амфитеатр двора
я погляжу глазами грека.

А почему бы не сыграть
нам что-нибудь из Орестей?
Герои, надо полагать,
есть между нас и есть злодеи.

Вкруг сцены белые скамьи
зима расставила.
Так что же,
зайдем, друзья, места свои,
пусть нас пронзит Эсхил до дрожи.

Дозорный видит черный дым,
что означает — Троя пала.
Дым нам невидим. Дым незрим.
Но свет небесный тьма застлала.

•••

Все так и было — симпатичный
парнишка рыбок разводил
и мифологии античной
их персонажами кормил.

Но смотришь фото, на котором
ты сам — не кто-нибудь другой —
юнец с открытым миру взором
и оттопыренной губой.

И думаешь вполне серьезно —
от плевел зерна отделить
давно пора, пока не поздно.
А все ненужное — спалить.

Спокойно, не моргнувши глазом,
все доказательства, следы,
свидетельства, собравши разом,
и наши скорбные труды.

Как должно инопланетянам
в канун отлета поступать,
не оставляя шанс землянам
великой мудрости познать.

•••

То лист сухой — подумал я.
За рукавичку принял было,
что здесь любимая моя,
к реке спустившись, обронила.

В лед вмерзшая на берегу,
ладошку подложив под ушко,
как будто спящий на боку,
сном беспробудным спит лягушка.

И не жива, и не мертва.
Вдруг, как на фото моментальном,
то ручкой шевельнет едва,
то ножкой в башмачке хрустальном.

Сковавший существо ее
ледок сверкает и искрится.
Похрустывая, как белье,
морозный воздух шевелится.

•••

Не скажу, что меня мотало —
не бродяга я, слава Богу,
биография прирастала
географией понемногу.

Но в стране, что одну шестую
занимала суши когда-то,
так и тянет то в Тверь, то в Шую,
кануть, сгинуть нас без возврата.

Ночью темной в бескрайнем поле,
тупо глядя в окно вагона,
размышлять о свободе, воле,
хоть и нету в этом резона.

Сколь ни смотришь, одна и та же
за окошком твоим картина,
никаких перемен в пейзаже.
Битый камень. Сухая глина.

Отразившись в стекле оконном,
только изредка проводница
между полками в царстве сонном
промелькнет, проскользнет, как птица.

•••

Никакого нет мошенства,
но я чувствую от рук
исходящее блаженство,
что врачует мой недуг.

От тревоги и печали,
от унынья и тоски,
от чего не помогали
никакие порошки.

Легкое прикосновенье,
как бы ни был болен я,
мне приносит облегченье,
ставит на ноги меня.

Тонкость, хрупкость, нежность, робость —
словно мостик подвесной
через бездну, через пропасть,
перекинутый тобой.

